

*Головнёва Е.В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и дизайна
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные типы функционирования этнического самосознания (мифологический, религиозный, философский, художественный). Эти типы самосознания представляют собой особые когнитивные системы, формирующиеся как под влиянием стереотипных представлений, возникающих в рамках межкультурных коммуникаций, так и в результате целенаправленных усилий со стороны политической элиты и СМИ. Этническая идентичность в таком ракурсе предстает как формирующийся на различных основаниях, сложно структурированный феномен. В статье раскрываются типичные способы воспроизводства этнического самосознания, используемые как представителями самой этнической группы, так и политическими лидерами. Они включают создание и распространение мифологем, историческое описание, сакрализацию событий, осуществление ритуальной практики.

Ключевые слова: этническое самосознание, структура этнического самосознания, типы мышления, мифология этноса.

Современный анализ структуры самосознания этноса должен принимать во внимание многообразие форм мышления, реализующихся в его рамках. В данной работе предлагается рассмотреть ряд форм (мифология, религия, философия, искусство), выступающих своеобразными способами репрезентации этнического самосознания в пространстве культуры.

При подобном подходе специфика форм этнического самосознания обнаруживается не только в содержательных идеях и принципах, но и в определенном типе мышления. С логико-гносеологической точки зрения, мифологическому, религиозному, художественному, философскому компонентам в структуре этнического самосознания оказывается присуща специфическая логика. Исследовательская задача заключается в том, чтобы понять эти формы в их различии (как в содержательном, так и в логическом плане), выявить их особые социальные функции и смыслы.

В структуре этнического самосознания философия представлена как теоретическо-концептуальный уровень осмысления культуры этноса. Для философии связь с культурой является определяющей. С одной стороны, в философии наиболее полно по сравнению с наукой воплощается специфика этнического сознания: философия обладает выраженными национальными чертами (проблемное и предметное поле, стиль мыш-

ления и представления философских идей). С другой стороны, философия целенаправленно ставит задачу выразить, сформулировать, перевести из неявного в явный план глубинные интенции своего субъекта, в том числе — «дух нации»; это вытекает из ее статуса как «самосознания культуры» (Гегель).

Специфика национальных философских традиций проявляется, в частности, в том, что они выделяют различные категории (язык, религию, территорию, государственность и т.п.) в качестве определяющих самосознание народа. Например, первооснову этнической культуры и глубокое основание этнического самосознания представители немецкой философии видели, прежде всего, в языке. В «Речах к немецкой нации» И.Г. Фихте определил язык как деятельность абсолютного Я (народа), которое, в свою очередь, находит выражение на уровне эмпирического Я (индивидов). В социальной сфере, по его мнению, именно язык играет одну из ведущих ролей: во-первых, осуществляет трансляцию накопленного опыта, во-вторых, способствует сохранению народа как субъекта исторического процесса. По Фихте, заимствование народом чужого языка сразу же снижает статус данного народа (от субъекта исторического процесса до объекта), ведет к его деградации и, в конечном счете, к прекращению существования. Как важный признак самосознания народа рассматривал единство языка Ф.В. Шеллинг, который утверждал, что «...язык определяется тогда, когда народ решает стать народом. До тех пор, пока народ пребывает в кризисе, т.е. в становлении, и язык его текуч, подвижен, не вполне отделен от других...» [1, 1154]. М. Хайдеггер связывал некоторые особенности немецкого национального характера (конструктивность, деловитость) также с грамматическим строем немецкого языка, «поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти» [2, 272].

В то же время для русской философской традиции, в силу этнического и языкового многообразия, общность языка не могла стать основанием этнического самосознания. Главным фактором объединения народа у многих русских философов выступает религия (православие). Так, И.А. Ильин в статье «Что дало России православное христианство» говорил,

что «дух православия определяет глубинные структуры русского национального характера, творческий потенциал русских героев и гениев; дарами православия жили и спасались все русские люди, даже те, кто о них забывал и отрекался» [Цит по: 3, 321]. Не вся, но значительная часть русской философии была религиозной философией, т.е. решала философские проблемы, основываясь на христианстве в его православном варианте.

Вырабатывая приоритетные категории этнического самосознания, философские традиции сами оказываются его частью. Как отмечает Г.Д. Гачев, «вслушиваясь в термины философии, науки, обнаруживаешь, что в их корнях залегают метафоры, образы и они не могут не изгибать мысль ученого и философа (осознает он это или нет) в своем силовом поле и не излучать-изливать интуиции, диктовать их ему» [4, 27].

Этническое самосознание может выражать себя не только через философские концепции, но и посредством мифологии. Содержательную сторону мифологической формы этнического самосознания составляют мифы и мифологемы, в которых воплощаются представления этноса о своем происхождении, историческом прошлом, ключевых событиях развития, идеал будущего. К числу достаточно универсальных мифов этнического самосознания, по мнению В.А. Шнирельмана, относятся: «миф об автохтонности» (представление о необычайной древности, если не исконности, своей этнической культуры и языка в целом, и на занимаемой ныне территории в особенности); «миф о прародине» (стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое, и, насколько это возможно, максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы); «миф о лингвистической преемственности» (безусловная идентификация своей этнической группы с вполне определенным языком, который якобы присущ ей изначально); миф об «этнической семье» (убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или «дочерних» этнических групп, которые позднее отселились на другие земли; тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве «старшего брата»); «миф о культуртрегерстве» (претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов); «миф об этнической однородности» (преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родоплеменных делений и многокомпонентности формирования общности; тем самым свой народ обретает как бы вечную жизнь); «миф о заклётом враге» (конституирование образа иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации); «миф об

этническом единстве» (причисление к своей общности иных этнических групп во имя единства государства или для усиления своей мощи, в частности, демографическим путем) [5, 21].

Представляется, что самосознание этноса принимает мифологическую форму, следуя логическим правилам мифологического типа мышления. Собственно, уже противопоставление «мы-они», являющееся ключевой особенностью этнического самосознания, демонстрирует явное присутствие в нем мифологических канонов рассуждения. В рамках данной логики, как и в древней мифологии, образ «своего» народа сопровождается исключительно положительной оценочной реакцией, в то время как «другие» народы оцениваются отрицательно (как агрессивные, честолюбивые, хитрые, коварные, ленивые и т.п.). Чтобы подчеркнуть свое выгодное отличие от других этносов, этнические группы нередко «чужим» народам приписывают дополнительные неприятные черты (уродства, неприятный запах, колдовство и т.п.), что облегчает применение к ним жестоких, аморальных мер и способов наказания и контроля. В то же время, при мифологическом способе мышления, факты и сведения несовместимые со своей «Я-концепцией» этнической группой игнорируются и отвергаются. Это подтверждает, в частности, упорное нежелание многих этносов признавать свои ошибки, военные и политические поражения, совершенные несправедливости по отношению к другим народам, т.е. все то, что противоречит их представлению о себе, как моральных, цивилизованных людях.

В рамках мифологического типа мышления этнические группы склонны к возвышению своей истории и культуры. Одним из способов этого является возвышение своего происхождения и последовательное утверждение своей автохтонности. Пример первого – сегодняшнее стремление включить в число своих великих предков Чингисхана (в Казахстане), Тамерлана (в Узбекистане), вождя гуннов Аттилу (на Украине, в Туркмении). Пример второго – утверждение украинцев о том, что их предки жили на Украине с незапамятных времен.

Как проявление мифологического типа мышления можно идентифицировать и присутствие в этническом самосознании представления о некоем «мировом зле», с которым данный народ вынужден без устали сражаться. Это «мировое зло» нередко персонифицируется в лице какого-либо реального «народа-врага» (для армян, таджиков, лезгин — это тюрки, для русских ультра-националистов – евреи, для многих нерусских националистов – русские и т.д.) [5, 21]. Часто считается, что именно по вине этого «народа-врага» происходит «ужасная катастрофа», прервавшая поступательное развитие данного этноса и символически означавшая его «смерть», но после которой он, тем не менее, вновь «воскрес». Например, подобной

катастрофой для многих армян является геноцид начала XX века, для многих евреев – холокост Второй мировой войны, для чеченцев – депортация и т.д.

В рамках мифологического типа мышления уже простое указание на этническую принадлежность субъекта содержит в себе выражение определенного отношения к нему, поскольку через выяснение происхождения субъекта происходит обнаружение каких-то типичных черт его характера, темперамента, его принадлежности к определенной конфессиональной общности и т.п. Образец: когда произносится фраза типа «я русский», то тем самым уже имплицитно подразумевается о том, что есть «русскость» и как она должна обнаруживаться во внешних формах жизнедеятельности. Эта «привычка» понимать сущность людей через выяснение их этнической принадлежности переносится на сферу межэтнических отношений и сказывается самым непосредственным образом на характере и результате межэтнического взаимодействия.

Наконец, находясь в мифологическом типе мышления, этническое самосознание оказывается нечувствительным к логическим противоречиям, что обуславливает в конечном итоге амбивалентность восприятия и поведения этноса. Таково, к примеру, русское этническое самосознание, в котором сочетаются противоположные, полярные представления о собственной этнической группе (русские одновременно «апокалиптики» и «нигилисты», «атеисты» и «богоносцы» и т.п.), что и определяет известную непредсказуемость поведения данного этноса.

Таким образом, существует ряд особенностей, демонстрирующих реализацию этнического самосознания по стандартам мифологического типа мышления. Вместе с тем, как показывает практика, самосознание этноса может развиваться по правилам и других типов мышления. В частности, этническое самосознание может функционировать по канонам религиозного типа мышления и принимать религиозную форму.

В содержательном плане религиозная форма этнического самосознания понимается как осознание принадлежности к общности, объединенной приверженностью к определенному вероучению или культуре. Представители этнической группы могут ощущать себя адептами мировых религий («мы – христиане», «мы – мусульмане», «мы – буддисты»), а могут идентифицировать себя как последователи «местных», «локальных» религий («мы – творение верховного божества Нум» и т.п.).

Религия по самой своей сущности содержит потенциал, консолидирующий социальную общность, и одновременно — момент демаркации с иноверующими. Н. Я. Данилевский среди факторов, могущих служить единственным основанием спецификации культурно-исторического типа, называет религию и приводит в пример иудеев. Принципиальным считался религиозный фактор и для русской культуры в качестве

основы ее самоопределения. «Каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира? – писал В. С. Соловьев. – Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [6, 312].

Но даже если самосознание этноса не связывает напрямую собственную определенность с конфессиональной принадлежностью, религиозная форма может занимать существенное место в этническом самосознании, поскольку в его построении действует и оказывается значимой религиозная логика.

Этническое самосознание принимает религиозную форму, если прибегает к сакрализации объекта и канонизации текстов. Феномен сакрализации в самосознании этноса может выражаться как в обожествлении и идеализации авторитетов этнической группы (ее предков, политического лидера, национальных героев и т.п.), так и в наделении собственного этноса и его истории сакральными чертами (например, в характеристике этноса как «богоизбранного», «вечного», «исключительного» народа). Канонизация текстов в этническом самосознании обычно проявляется в объявлении этносом части своих исторических сочинений «священной историей», которая, как правило, наполнена драматическими и героическими событиями и в которой значимыми являются эсхатологические мотивы (представления о «конце истории» своего народа). В русской философии, например, сакрализующие историю мотивы характерны для славянофилов. К. С. Аксаков говорил, что русская история является «всеобщей исповедью» и «ее можно читать так же, как житие святых» [7, 62]. Философами русского зарубежья после Октябрьской революции очень часто судьба России характеризовалась как «испытание», «распытие», «жертвенный подвиг», т.е. опять-таки осмысливалась в религиозной стилистике и терминологии. Отметим, что сакрализация авторитетов и канонизация текстов являются необходимой стороной утверждения самосознания любого этноса; находясь в религиозном типе мышления, оно практикует как способ аргументации апелляцию к авторитету, в качестве которого выступает и отдельные личности (те же предки, лидеры этнической группы) и этническая история.

Этнические группы мыслят религиозно также тогда, когда признают действие сакральной упорядочивающей силы (например, Духов, Бога, Власти и т.д.) в качестве определяющего фактора в своей деятельности и судьбе. Находясь в рамках данной логики, представители этноса считают, что их историческое развитие заранее предначертано, что священным, сакральным нельзя управлять: высшим силам можно только подчиняться. Осуществляемые этнической группой обряды и ритуалы (кризисные, календарные, ритуалы

интенсификации), направленные на обеспечение помощи сакральных сил, лишь продолжают и мягко подталкивают естественные процессы в желательном направлении, а не идут вразрез с ними. Как отметил в свое время К. Г. Юнг: «маршевая музыка, знамена, полотнища с лозунгами, парады и колоссальные митинги по существу ничем не отличаются от молебствий, стрельбы и огней для изгнания бесов» [8, 15]. Это предопределяет, в частности, догматический склад мышления, покорность и пассивное поведение таких этносов на исторической арене, их изначальное неверие в возможные преобразования и реформы.

В этническом самосознании, реализующемся в религиозном типе мышления, на первый план выходит нетерпимость к инакомыслию и «иноверцам». В рамках данной логики «своя» система представлений, «свой» образ жизни рассматривается как единственно возможный и правильный, который следует навязать и «другим» народам любой ценой. При этом «другие» народы часто воспринимаются не просто как обладающие иной верой, а как неверующие. Именно в религиозной форме этнического самосознания нередко ведущими становятся идея мессианства, выражающаяся в претензии этноса на свою исключительность, на особую историческую миссию, и идея этнического фанатизма. При таком типе мышления историческая память этноса строится таким образом, «чтобы удерживать в ней лишь то, что соответствует идеальному представлению данного народа о себе самом, своем особом положении в истории в качестве носителя подлинной истины жизни. Эмпирическая реальность его жизни, обработанная самосознанием, выносятся на общее обозрение как некий идеальный образец, дающий право на особое, исключительное бытие» [9, 112].

Наконец, для этнического самосознания, разворачивающегося по религиозному типу, характерен консерватизм мышления и приверженность силе обычая и традиции. В этом случае имеет место безусловная ориентация на прошлое, жесткое следование социально передаваемым нормам и правилам, враждебность и сопротивление любым нововведениям. Религиозный тип мышления больше остальных тяготеет к стереотипизации: в этническом самосознании религиозного типа образ какой-то определенной этнической группы как носителя «положительных» и «отрицательных» качеств сохраняется через многие поколения, а процесс изменения этнических предубеждений происходит очень медленно и порой становится заметным лишь тогда, когда сравниваются целые исторические эпохи.

Художественная форма этнического самосознания в содержательном плане заключается в осознании представителями этноса себя приверженцами определенной художественной традиции, выражающейся как в форме словесно-художественного устного народного творчества (свойственных данному этносу песнях, сказаниях, героических преданиях, легендах и пр.),

так и в форме профессионального художественного творчества.

Значимость художественного творчества для оформления этнического самосознания очевидна и является традиционной темой культурологического рассмотрения; достаточно сослаться на место, которое занимает тема «русской души» и «русской идеи» в творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Блока и т.д. Следует обратить внимание на несколько менее разработанный аспект художественной формы этнического самосознания – использование за пределами собственно литературы художественных средств для построения образа этнической группы (как «своей», так и «чужой»).

В этом случае общая, развернутая характеристика этнической группы выражается через отдельные примеры (через особенности поведения этноса в конкретных ситуациях, через эпизоды его исторического развития и т.п.), как правило, весьма яркие, выразительные и сильно эмоционально окрашенные. В результате такой логической процедуры возникает образ этнической группы, который не всегда является объективным и адекватным, но который при этом нагляден (именно в рамках такого способа мышления, на наш взгляд, американцы, к примеру, предстают в образе «больших детей», русские – в образе «беспечных лентяев» и т.п.).

Представляется, что в рамках именно художественного типа мышления в этническом самосознании появляется фиксируемый этносоциологами феномен, который отечественный исследователь С. В. Лурье обозначает как «образ для других», – желаемый образ этнической группы, выставляемый ею напоказ при контактах с другими народами. В этом случае представители этнической группы «надевают на себя различные, милые их сердцу исторические или социальные маски» [9, 127], сознательно приписывают себе черты, которых может и не быть в действительности (к примеру, приписывают себе автохтонное происхождение, исторические подвиги и т.п.), создают красивую легенду о своем этносе, приукрашивают представление о себе в глазах других народов. Через художественную форму, таким образом, осуществляется реализация, удовлетворение потребностей этнических групп в «престиже», признании со стороны других этносов.

Видимо, представители этнической группы находятся в рамках художественного типа мышления также тогда, когда относятся к событиям своей истории и ее действующим лицам не только этически (как к славным или позорным, справедливым или несправедливым и т.п.), но и эстетически, давая им эстетические оценки (например, воспринимая их как трагические, драматические, комические); когда воспринимают события своей истории не в терминах академической науки, а посредством художественных метафор, наглядных (часто литературных) образов; когда мыслят

свое историческое прошлое не в форме рационально-оценочного знания, а в эмоционально-чувственном контексте (через «вживание», «вчувствование» в события прошлых лет и их субъективную, личностную оценку).

В целом, в современных условиях, на наш взгляд, имеет место переключение самосознания этноса с одной формы на другую, или с одной логической системы на другую: в какие-то моменты своей истории этническая группа может рассуждать мифологически, используя правила мифологического мышления, в какие-то – религиозно, и т.д. Характерно, что каждый из способов репрезентации этнического самосознания подвержен трансформации и модернизации и может приобрести характер доминирующего в зависимости от общественно-политической ситуации (ассимиляция или любая экстремальная ситуация, период конфессиональных раздоров и т.д.). Этим, в частности, объясняется, почему самосознание этноса в своем функционировании не может ограничиться какой-либо одной формой; каждая из форм оказывается востребованной в современном этническом самосознании и выполняет определенные функции.

Литература:

1. Шеллинг Ф.В. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В. Сочинения / Ф.В.Шеллинг. – М.: Мысль, 1998. – 1664 с.
2. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер. – М.: «Республика», 1993 – 360 с.
3. Копалов В.И. Русская философия истории // Двадцать лекций по философии / В.И. Копалов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – С. 320-327.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г.Д. Гачев. – М.: Academia, 1998. – 432 с.
5. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги / В.А. Шнирельман. – М., 2000. – 99 с.
6. Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев / В.С. Соловьёв. – СПб: Наука, 1998. – С. 312-360.
7. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
8. Юнг К.Г. Современность и будущее / К. Юнг. – Минск: Университетское, 1992. – 62 с.
9. Скворцов Л.В. Культура самосознания: Человек в поисках истины своего бытия / Л.В. Скворцов. – М., 1989. – 319 с.

Головнюва О. В. Способи репрезентації етнічної самосвідомості в просторі культури. – Стаття.

Анотація. У даній статті розглядаються різні типи функціонування етнічної самосвідомості (міфологічний, релігійний, філософський, художній). Ці типи самосвідомості являють собою особливі когнітивні системи, що формуються як під впливом стереотипних уявлень, які виникають у рамках міжкультурних комунікацій, так і в результаті цілеспрямованих зусиль з боку політичної еліти та ЗМІ. Етнічна ідентичність в такому ракурсі постає як така, що формується на різних підставах як складно структурований феномен. У статті розкриваються типові способи відтворення етнічної самосвідомості, що використовуються як представниками самої етнічної групи, так і політичними лідерами. Вони включають створення і розповсюдження міфологем, історичний опис, сакралізацію подій, здійснення ритуальної практики.

Ключові слова: етнічна самосвідомість, структура етнічної самосвідомості, типи мислення, міфологія етносу.

Golovneva E. V. The forms of representation of ethnic self-consciousness in the space of culture. – Article.

Summary. This paper describes the various types of ethnic self-consciousness (mythological, religious, philosophical, art). These types of self-consciousness are considered to be cognitive systems formed due to the stereotyped constants, which developed in the process of the multicultural communication, and due to the influence of the mass media and the creative work of the brainpower of the nation. Thus, the ethnic identity turns out to be multilayer by its origin and complicated by its structure. This work deals with some typical methods, used by ethnic group itself as well as political leaders in order to reproduce the ethnic identity and inspire the ethnic groups. They include creating and reproduction of mythologems, historical description, sacralization, rituals practicing, etc.

Key words: ethnic self-consciousness, structure of ethnic self-consciousness, types of mind, mythology of ethnos.